

Плотин Против гностиков filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Плотин против гностиков

1. Итак, нам ясна простая природа блага; первая – ибо простым может быть только первое. Она не содержит в себе ничего, но есть нечто единое. Природа того, что мы зовем единым – та же самая, что и у предиката “единое”, а не так, чтобы к чему-то иному затем прилагалось единство как дополнительное свойство; и так же благо: оно не такое, как если бы к чему-то иному затем прилагалось свойство блага. Когда мы говорим “единое” и когда мы говорим “благо”, мы должны иметь в виду одну и ту же природу и высказывать только одно, не прибавляя к ней никаких предикатов, стараясь, по мере возможности, прояснить ее для себя.

Оно первое, потому что простейшее; и самодостаточное, потому что не состоит из многих. Ибо если бы оно состояло из многих, оно бы зависело от своих составляющих. И оно не находится в чем-то другом, ибо всякое находящееся в другом зависит от этого другого. Но раз оно не зависит от другого, не находится в другом и ни из чего не составлено, над ним ничего не может быть. Следовательно, не надо искать других более высоких начал, но надо признать его наивысшим. После него надо поставить ум и первое мыслящее начало; после ума – душу. Именно таков естественный порядок. Не следует полагать в умопостигаемом ни больше начал, ни меньше.

Ибо если полагают меньше, приходится объявить тождественными либо душу и ум, либо ум и первое. Но они не тождественны, и это много раз было доказано.

Теперь нам остается рассмотреть, не больше ли начал, чем эти три. Какие же кроме них могут еще быть природы? Если начало всего таково, как мы сказали, то не может найтись ничего проще и выше него.

В самом деле, нельзя сказать, что есть единое в возможности и единое в действительности: смешно различать возможное и действительное, умножая природы там, где есть только действительные и нематериальные начала. Этого различия нет и ниже: невозможно помыслить один ум в некоем покое, а другой как бы в движении. В самом деле, что такое покой ума и его молчание? И что такое движение ума и произнесенное им слово? В чем состоит бездеятельность одного ума и деятельность другого? Ум всегда один и тот же, всегда такой, какой есть, тождественный себе и утвержденный в действительности. А движение – это дело души: она движется к уму и вокруг ума; есть еще движение слова от ума к душе; это слово делает душу разумной, именно душу, а не какую-то промежуточную природу.

Нельзя умножать умы и таким образом: один ум, дескать, мыслит, а другой мыслит, что он мыслит. Даже если допустить, что для этих земных умов мыслить и мыслить, что ты мыслишь, – разные вещи, все равно, ум – это единое устремление, воспринимающее собственные действия. Тем более смешно предполагать, будто истинный ум не сознает, что делает; он всецело един, и тот, что мыслит, вполне тождествен тому, который мыслит, что он мыслит. В противном случае, один ум будет только мыслить, а второй – только мыслить, что первый мыслит, и это будут два совершенно разных ума.

На это они гностики могут возразить, что это различие, мол, чисто логическое. В таком случае, во-первых, им придется отказаться вообще от всякой множественности ипостасей. Во-вторых, надо посмотреть, возможно ли даже чисто логически предположить существование ума, который только мыслит, но не сознает, что сам он мыслит. В самом деле, даже мы обычно знаем свои побуждения и мысли, если мы хоть мало-мальски внимательны; если же нет, есть все основания счесть нас безумными. А истинный ум мыслит самого себя; предмет мышления существует не вне его; он сам для себя умопостигаемое; поэтому он необходимо видит и понимает самого себя; и, конечно же, он видит себя не безмысленным, а мыслящим. Таким образом, в самом первом акте мышления содержится и мышление о том, что он мыслит, ибо ум един. Так что даже чисто логически там нет никакой двойственности. К тому же, раз ум мыслит всегда, и мыслит себя таким, каков он есть, т.е. мыслящим, – не остается места для логического разделения между мышлением и мышлением о мышлении. Ну и, наконец, если допускать логические разделения, почему бы наряду со вторым умом, который мыслит, что первый мыслит, не ввести третий ум, который мыслит, что второй мыслит, что первый мыслит? – Тогда, по крайней мере, нелепость станет более явной. И почему бы не продолжать деление до бесконечности?

Еще они сочиняют, будто одно слово исходит от ума, а от этого слова рождается другое слово в душе, так что первое оказывается посредником между душой и умом. Рассуждающий так лишает душу способности мыслить, ибо она дается душе не умом, а словом-посредником. Значит, душа будет обладать не словом, а подобием слова, а ума не будет знать вовсе, и вовсе не будет

мыслить.

2. Итак, не следует полагать больше трех начал, ни проводить в них лишних логических разделений, которых в них нет. Ум один, всегда один и тот же, тождественный себе, всецело неизменный, подражающий отцу, насколько может. В душе же нашей есть нечто, всегда обращенное к тамошним началам, т.е. к уму и единому, вверх, есть нечто, обращенное к здешним вниз, и есть середина между ними. Но природа души едина, хотя способностей у нее много. Бывает, что вся душа, собираясь воедино, устремляется к тому, что лучше ее; бывает, что низшая ее сторона увлекается к тому, что хуже ее, увлекая вместе с собой и середину – ибо вся душа не может увлечься вниз. Такое страдание случается ей претерпеть потому, что она не осталась в наипрекраснейшем мире духовном, где осталась и пребывает та душа, которая не есть часть нас и которой мы уже не являемся частью. Она т.е. не опустившаяся мировая душа дает всему телесному самому обладать ее дарами, сколько оно может удержать, получив от нее; сама же тем временем ни о чем не заботится, не соображает, как лучше распорядиться, не исправляет ошибок, управляя телом. У нее есть удивительная способность: просто созерцая то, что выше нее, она тем самым упорядочивает космос наилучшим образом. Чем больше она предается созерцанию, тем она прекраснее и могущественнее; то, что она получает свыше, она дает тому, что ниже ее, как бы освещая тело космоса, потому что сама всегда освещена умом и единым.

3. Она всегда освещена и, постоянно содержа в себе свет, дает его следующим т.е. телесным сущим. Они же, в свою очередь, всегда содержатся и воспламеняются этим светом, получая от него жизнь, сколько кто может вместить, и наслаждаются этой жизнью. Так греются люди, усевшись вокруг костра, кто как сможет. Но у костра есть мера. Здесь же речь идет о силах безмерных; если они не изъяты из числа сущих, как могут они существовать без того, чтобы ничто не стало им причастно? Всякое сущее должно давать свое другому, иначе благо не будет благом, и ум умом, и душа не будет душой, если вслед за первым живым существом не оживет и что-то другое, и это вторично живое должно жить, пока будет жить первое. Таким образом, все должно следовать друг за другом, причем всегда. Вторичные называются рожденными потому, что зависят от других, а не потому, что однажды родились. Все, что зовется рожденным, рождалось и будет рождаться всегда, и не уничтожится. Ибо уничтожается то, чему есть, во что; а чему не во что, то не уничтожится. – Если же кто возразит, что в материя может уничтожиться все телесное, – тогда почему бы и материи тоже не уничтожиться? – Если же он скажет, что да, и материя тоже, – тогда какая была необходимость, – скажем мы, – ей возникать? – Если же они скажут, что материя необходима как следствие, – тогда, ответим мы, она необходима и теперь и всегда. – Если материя останется одна т.е. будет оставлена душой и умом, тогда божественные сущности будут не везде, а в каком-то ограниченном месте, как бы отгороженные стеной; но это невозможно, и потому материя всегда будет просвещена светом ума и души, т.е. оформлена в телесный мир.

4. Они говорят: душа создала этот мир, потеряв крылья. – Но душа вселенной не претерпевала ничего подобного. – Они говорят, что она пала. – Пусть назовут причину падения. И когда она пала? Если от века, то она и поныне остается такой же падшей. Если же падение когда-то началось, то почему именно тогда, а не раньше?

Мы утверждаем противоположное: не склонность души к низшему сотворила мир, а, наоборот, несклонность. Ведь если душа склонилась к низшему, то, конечно, только потому, что забыла горнее; а если забыла, то как она может творить? Откуда ей знать, как творить? – Только из того, что она созерцала вверху т.е. в уме, где идеальный прообраз космоса. Но она творит мир, значит, помнит и, значит, нисколько не отклонилась от устремления ввысь – в противном случае она ничего не могла бы видеть ясно. Но даже если бы и уклонилась немного, – пока у нее остается хоть какая-то память горних, почему бы ей не подняться назад, чтобы разглядеть получше то, что служит ей образцом для творения мира?

Далее, какую пользу она думала извлечь для себя из сотворения мира? Смешно полагать, что она жаждала славы и почестей, словно здешние скульпторы. Да и вообще, если считать, что она творила с обдуманном намерением, а не потому, что творить – в ее природе и сама она – творческая сила, то как она сотворила этот мир?

И когда она его уничтожит? Если она раскаялась, что сотворила его, то что же она медлит? Если же она до сих пор не раскаялась, то уже и не раскается, потому что со временем все больше привыкает к нему и привязывается. Говорят, она дожидается единичных душ. – Но душам этим давно пора бы перестать вновь рождаться: ведь они уже испытали все здешнее зло в предыдущем рождении; зачем же им идти на это снова?

Нельзя согласиться и с тем, что этот мир устроен плохо, потому что в нем

много недостатков. Те, кто так утверждают, ценят его слишком высоко: они считают, что он тождествен умопостигаемому миру, а не является его подобием. Но разве могло родиться другое подобие того мира, прекраснее этого? Какой иной огонь, кроме нашего, мог бы быть лучшим подобием того огня? Какая земля, кроме нашей, после той земли? Какая сфера могла бы быть совершеннее и благоупорядоченнее после тамошней, которой умопостигаемый мир охватывает сам себя? Какое иное солнце могло бы быть лучше того, которое мы видим, кроме тамошнего?

5. Какая нелепость: они, сами обладая телом, как у всех людей, наделенные вожделениями, скорбями, гневом, раздражением, себя не презирают и свои способности ценят настолько высоко, что уверены, что могут постичь умопостигаемое. А солнцу, которое не знает наших страстей, в котором намного больше порядка и намного меньше переменчивости, отказывают в разумении, превосходящем наше, – а ведь мы только вчера родились и бредем к истине, блуждая, и на пути нашем столько препятствий! Они уверены, что их собственная душа бессмертна и божественна; и не только их, но и ничтожнейших из людей, – а все небо и светила небесные непричастны бессмертию. А ведь они видят, что небеса намного прекраснее и чище, видят, какой там порядок, благоустройство и благочиние; ведь сами же они более, чем кто-либо, обвиняют здешний земной беспорядок. Выходит, что бессмертная душа избрала для себя более скверное место, пожелав уступить лучшее смертной душе.

И еще одна нелепость: когда они вводят эту вторую смертную душу, якобы состоящую из элементов. Как может составленное из элементов обладать какой-либо жизнью? Смешение элементов производит тепло, или холод, или их смесь; либо сухость, влажность, или их смесь. Но как может смешение элементов, возникшее позже самих элементов, содержать эти элементы в подчинении и управлять ими? Ну, а когда они приписывают этой смертной душе восприятие, волю и тысячу других способностей, тут уж и вовсе сказать нечего.

Не уважая это творение и презирая эту землю, они утверждают, что для них уготована новая земля, на которую они переселятся отсюда. Ее они зовут “словом мира”. Хотя для чего бы им родиться в прообразе того мира, который они так ненавидят? И откуда взялся этот прообраз? По их словам, прообраз создан творцом этого мира, уже склонившимся к здешнему, т.е. к низшему, земному, т.е. когда он уже пал. Выходит, творец был озабочен тем, чтобы создать другой мир после умопостигаемого, которым он обладал, – спрашивается, зачем ему это понадобилось? Если он создал прообраз до того, как сотворил этот материальный мир, – то зачем? Они говорят: затем, чтобы души в нем сохранялись от падения в материальное. Но как же тогда вышло, что они не сохранились, не убереглись? – Выходит, прообраз мира был создан напрасно. Если же он создал прообраз после материального мира, взяв из него форму и освободив ее от материи, то душам достаточно было бы одной попытки рождения здесь в телах для того, чтобы впредь остерегаться этого мира и жить только в том, в прообразе. Правда, они еще говорят, что творец берет форму мира для создания прообраза не из самого мира, а из душ; это что-то новое; но что это значит?

6. Что сказать о других ипостасях, которые они вводят: об “изгнаниях”, “отпечатках”, “раскаяниях”? Может быть, “раскаяниями” они называют состояния души, когда она раскаивается, а “отпечатками” – впечатления души, когда она созерцает не сами сущие, а некие подобия сущих? Так или иначе, все это – пустословие, цель которого – составить собственную философскую школу и отличное от других учение. Все эти хитросплетения они изобретают потому, что не укоренены (утратили связь) в древней эллинской философии. Эллы знали ясно и простыми (непритязательными) словами рассказывали о том, как душа выходит вверх из пещеры и постепенно, шаг за шагом продвигается ко все более истинному созерцанию.

Вообще у них гностиков кое-что взято от Платона, а кое-что они изобретают новое, чтобы создать собственную философию; и вот эти-то все изобретения ничего общего не имеют с истиной. Оттуда т.е. из Платона у них посмертный суд и наказание, адские реки, перевоплощение душ. Они создали множество умопостигаемых сущностей: сущее, ум, демиург, отличный от ума и от души, душа; все это заимствовано из сказанного в “Тимее”: “Сколько и каких видов усматривает ум в живом как оно есть, столько же и таких же счел нужным осуществить в космосе создатель этой вселенной” (39 e). Но они этих слов не поняли и решили, что есть один ум, пребывающий в покое и молчании, который содержит в себе все сущие; и другой ум, который созерцает первого; и третий ум, который размышляет – нередко у них вместо размышляющего ума выступает душа-демиург. Они считают, что именно этот размышляющий ум Платон называл демиургом, ибо понятия не имеют, кто такой на самом деле у Платона демиург.

И вообще, они перевирают все, что относится к творению мира и многие другие учения Платона, извращая и уродуя мысли достойного мужа, в полной уверенности, что сами они вполне постигли умопостигаемую природу, а Платону и всем прочим блаженным мужам это не удалось.

Перечисляя имена множества умопостигаемых сущностей, они думают, что всем покажется, будто они точнее других исследовали духовный мир. На самом же деле таким умножением они низводят умопостигаемую природу, унижают ее, делая похожей на природу чувственную. Надо, напротив, стремиться к тому, чтобы число сущностей, которые мы усматриваем там, было как можно меньше: все сущие следует приписать тому, что после первого т.е. уму, остерегаясь всякого умножения; он – суть всех вещей, первый ум и сущность и все, что есть прочего прекрасного после первой природы. Душа же – это третий вид (форма); различия душ надо исследовать в их состояниях или природе.

При этом не надо насмехаться над божественными мужами – к ним нужно относиться с благоговением как к старшим и древним и брать у них все, что они сказали прекрасного: бессмертие души, умопостигаемый мир, первенство бога, то, что душа должна бежать от общения с телом, отделимость души от тела, бегство души из становления в бытие. Все это ясно изложено у Платона, и те, кто прямо так и повторяют его слова, прекрасно делают.

Тем же, кто не хочет соглашаться с древними, надо бы сказать так: не следует вам самоутверждаться в глазах слушателей за счет насмешек над эллинами и горделивого над ними превозношения. Но следует вам доказать правоту своих учений самих по себе; следует благожелательно и философски изложить те мнения древних, которые кажутся вам неверными, и ясно изложить свои собственные, указав, в чем именно расхождение, и судить справедливо, стремясь только к истине, а не к славе. Не следует стараться завоевать уважение критикой мужей, которых издревле почитали далеко не последние люди: мол, их все считают великими, а мы сами куда лучше их.

То, что сказано древними об умопостигаемых, высказано гораздо лучше и людьми, гораздо лучше образованными. Это легко признает всякий, кто не поддавался обману, столь широко распространенному среди людей. Они гностики заимствовали их учения, но прибавили к ним вещи совершенно неподобающие, желая показать, что они с древними несогласны. Вот в чем, например, они противоречат древним: в совершенные природы они вводят возникновение и уничтожение; нашу вселенную они ругают; в соединении с телом они видят вину души; они поносят того, кто управляет нашей вселенной; отождествляют демиурга с мировой душой; и наделяют эту душу такими же страстями, какие испытывает душа частная.

7. Сказано, что этот мир не начинался и не кончится никогда, но существует всегда, пока существует тот мир. Сказано было еще раньше и о том, что союз нашей души с телом – не лучшая участь для души. Но заключать от нашей души о душе вселенной, будто она во всем ей подобна, – все равно, как если бы кто стал поносить превосходно устроенное государство, судя о нем только по тем горшечникам и медникам, с которыми познакомился.

Нужно понять различия между вселенской душой и нашей: она иначе управляет своим телом, иначе к нему относится; она им не скована. Есть тысячи других отличий, о которых сказано у других философов; но в особенности следовало бы задуматься об одном: мы скованы нашим телом, мы у него в плену. А вся душа, напротив, сама сковывает собою телесную природу, которая заключена внутри нее; а уже внутри нее т.е. телесной природы в целом содержится все то, что она в себя включает т.е. отдельные существа и вещи. Сама же вселенская душа не связана тем, что связано ею: она начальница и госпожа тела. Она не испытывает никакого воздействия от тел; мы же наших тел не господя. Та сторона ее, которая обращена ввысь, к божественному, остается несмешанной с веществом, и ей ничто не мешает созерцать. Та же ее сторона, которая дает жизнь телу, ничего от тела не воспринимает. Ибо общее правило таково: то, что пассивно испытывает воздействие другого, не может не принимать в себя все, что есть в этом другом, а само никаких своих свойств не передает воздействующему, если оно обладает собственной жизнью.

Например, когда прививают растение, оно испытывает воздействие привоя; привой (тоже страдает вместе с растением и) засыхает, оставляя всю свою жизнь растению, которое отныне ею обладает.

Если в тебе угаснет огонь, то весь огонь во вселенной не угаснет. Но даже если бы исчез весь огонь, тамошняя душа не испытала бы ничего – это было бы чувствительно лишь для телесного состава вселенной. И если бы из оставшихся трех элементов можно было бы воссоздать какой-то космос, мировая душа нисколько не заботилась бы об этом.

Кроме того, состав вселенной совсем не таков, как у единичного живого существа: там душа как бы парит над телесным составом, раз навсегда приказав ему пребывать неизменным; здесь же телесный состав каждого живого существа как бы норовит разбежаться, ибо он связан воедино и подчинен

Плотин Против гностиков filosoff.org
порядку вторичной связью. Там телу некуда разбегаться (распадаться). Душе не приходится ни удерживать его изнутри, ни давить на него снаружи, заставляя собраться воедино: природа пребывает там, где душа с самого начала захотела, чтобы она была.

Когда какое-то из тел движется согласно своей природе, от этого страдают те, кому его движение мешает двигаться согласно их собственной природе; но движущиеся согласно природе движутся прекрасно с точки зрения целого. Те же, что не могут приладиться к порядку целого, погибают. Так, когда большой хор несется в строгом порядке пляски и на пути его окажется черепаха, она будет растоптана, не в силах убежать от движущегося хоровода; если же она сумеет приладиться к порядку танца, тогда не претерпит никакого вреда.

8. Спрашивать, почему Творец создал мир – все равно, что спрашивать, почему существует душа или почему Творец творит. Задавать такой вопрос значит, во-первых, предполагать, что у того, что есть всегда, было начало. А во-вторых, это значит думать, что бог претерпел изменения и решил вдруг сотворить мир.

Если бы они могли благоразумно воспринимать наставления, их надо было бы научить, какова природа этих вещей, т.е. видимого мира, чтобы они перестали поносить то, что заслуживает почтения. Ибо они с легкомысленным высокомерием относятся к тому, чему подобает благоговейное уважение. Не может быть прав никто, порицающий устройство вселенной. Во-первых, оно открывает величие умопостигаемой природы. Если наш мир живет такой насыщенной и совершенной жизнью, что в ней нет ни следа беспорядка, ни единого сбоя – вплоть до разнообразных мельчайших живых существ, которые от полноты жизни в нем рождаются днем и ночью, непрерывно сменяя друг друга, – жизнь в нем непрерывна, безущербна, полна; ее много и она везде, являя ненарочитую мудрость, – разве можно не назвать этот мир прекрасным и совершенным изваянием умопостигаемых богов? Но он – подражание тому миру, и как подражание не тождествен ему; ибо это в природе всякого подражания; в противном случае он не был бы подражанием. Ложь – что наш мир непохожее подражание; в нем нет недостатка ни в чем, что могло бы содержать самое прекрасное естественное подобие. Но это подражание не может быть результатом замысла и ухищрений искусства. Просто умопостигаемый космос не мог быть крайним (последним). Его энергия не могла не быть двойственной: одна – в нем самом, другая – направленная вовне. Следовательно, что-то непременно должно было быть после него. Чтобы ниже его т.е. умопостигаемого мира ничего больше не было – это невозможнейшая из всех вещей. Там ведь движется (разлита) удивительная мощь: так что он просто не мог не действовать вовне от избытка сил.

Если есть другой космос, лучше этого, то какой? Если же нет другого, а ниже умопостигаемого мира непременно должно быть какое-то его подобие, то этот наш мир и есть верный хранитель изображения того умопостигаемого. Вся земля полна разнообразных живых существ; все пространства до неба полны бессмертных живых существ: планеты в нижних сферах и звезды в самых высших – разве они не боги? Они движутся в таком порядке и обходят весь космос. Почему бы им не обладать добродетелью? Что мешает им быть добродетельными? Там ведь нет тех вещей, которые портят здешних людей, делая их дурными и злыми; нет там и столь дурного тела, которое постоянно причиняет страдания (неудобства) и само их испытывает. К тому же у них всегда досуг; так отчего бы им не постичь и не познать бога и прочих умопостигаемых богов? Неужели наша мудрость может быть лучше мудрости небесных тел? Кто, если он еще не сошел с ума, сможет предположить такое? Если наши души пришли сюда не по доброй воле, а по принуждению вселенской души, разве они – подавшиеся принуждению – лучшие? Среди душ лучше те, у которых больше власти. Если же по доброй воле, то что же вы поносите место, в которое сами захотели прийти? Тем более, что этот мир позволяет и покинуть его, если кому-то здесь не понравится. Но ведь эта вселенная такова, что в ней можно обрести мудрость и жить здесь по тамошним т.е. умопостигаемого мира, законам: разве это не свидетельство, что наш мир произведен от того, умопостигаемого?

9. Те, кто возмущаются, что есть богатые и бедные и нет равенства во всех подобных вещах, во-первых, не понимают, что ревнитель мудрости не ищет равенства в таких предметах. Он не считает, что богачи приобрели больше, чем он, или что властители обладают чем-то большим, чем простые граждане. Стремление к подобному рода вещам он предоставляет другим. Он знает, что здесь на земле есть два образа жизни: один для ревнителей, второй для большинства людей. Для ревнителей – путь наверх, к самым вершинам; для более человеческих – два пути: для тех, кто еще помнит о добродетели – путь, причастный хоть какому-то благу; а подлой черни – ручной труд, производство того, что нужно для более порядочных людей.

Если кто-то совершает убийство, а кто-то по слабости своей порабощается

наслаждениям, что тут удивительного? – Они заблуждаются, руководствуясь не умом, а детскими, неповзрослевшими душами. Если есть победители и побежденные, как в гимнасии, когда идут состязания в борьбе, – разве и это не прекрасно (правильно)? Если вас несправедливо обидели, что в этом ужасного для бессмертного? Даже если вас убьют, вы получите, что хотели. Наконец, если вам так не нравится этот мир, никто не заставляет вас в нем жить.

Они ведь сами соглашаются, что здесь есть суд и наказание. Так вправе ли они порицать государство, в котором каждому воздается по заслугам? Разве здесь не почитают добродетель? Разве пороки не навлекают на себя подобающее презрение и позор? Здесь не только стоят изваяния богов, но и сами боги сверху надзирают за порядком; “они без труда оправдываются перед людьми”, говорит поэт, ибо ведут все в строгом порядке от начала к концу, давая каждому подобающую участь, которая последовательно вытекает из смены прежде прожитых им жизней. А кто этого не знает, тот берется судить о божественных делах, будучи невежественнее, чем подобает человеку.

Да, надо пытаться стать как можно лучше. Но не надо думать, что только ты один можешь стать наилучшим. Думая так, ты не достигнешь совершенства. Есть другие люди, достигшие высот добродетели; есть добрые демоны; еще намного совершеннее – боги, сущие в этом мире и созерцающие тот мир; и совершеннее всех – начальник этой вселенной, блаженнейшая душа. После этого можно уже воспеть в гимнах умпостигаемых богов, и, наконец, надо всеми – великого царя тамошних, во множестве богов наилучшим образом являющего свое величие. Именно во многом показать божественное, как сам бог явил его нам, а не сводить его к единому – вот дело тех, кто познал силу бога. Ведь бог, оставаясь тем, кто он есть, создает все многочисленные существа и вещи, зависящие от него и существующие благодаря ему и рядом с ним.

И этот мир существует благодаря ему и взирает туда – и весь мир в целом и каждый из населяющих его богов в отдельности – и его т.е. Единого повеления они прорицают людям и пророчествуют о том, что им близко (мил?). А что этот мир и населяющие его боги не то же самое, что тот т.е. Единый, – так это естественно.

Ты хочешь смотреть на мир сверху вниз; ты высокомерно заявляешь, что ты сам не хуже чем вся вселенная и ее боги. – На это я скажу тебе, во-первых, что чем кто более велик, тем более он благожелателен к людям и ко всем сущим. Во-вторых, возвеличивать себя надо в меру, чтобы не впасть в грубое бахвальство; не следует возвышать себя больше, чем позволяет нам подняться наша природа. Не надо думать, что всем остальным нет места рядом с богом; что только ты один удостоен чести быть его свитой. Иначе, летая по небу в мечтах, словно в сновидениях, ты лишишь себя возможности наяву стать настолько богом, насколько это возможно для человеческой души. А она способна к этому постольку, поскольку ее ведет ум; поставить себя выше ума – на самом деле значит пасть ниже ума.

Неразумные люди позволяют, без рассуждения, убедить себя подобными речами: мол, ты будешь превосходить всех, не только людей, но и богов. Ибо в людях много самомнения. Самый скромный, умеренный, простой человек преобразается, услышав: “Ты – сын божий. А все прочие, кого ты чтил, – не сыновья. И светила, которым вы и отцы ваши поклонялись, – не дети божьи. Ты, безо всякого усилия, уже лучше и выше всех – даже неба”. – Тут и все слушатели в восторге подхватывают эти речи. – Так, если человеку, не умеющему считать, среди толпы других, тоже не умеющих считать, кто-то скажет, что в нем тысяча локтей росту, он, конечно же, поверит, что тысяча. Если же он услышит, что во всех остальных всего по пять локтей, то он вообразит, что он великан.

Если промысел божий заботится о вас, то почему он не заботится обо всем мире, в котором вам же приходится жить?

– Вы говорите, что богу не до того, чтобы смотреть еще и за материальным миром, и что ему не дозволено смотреть вниз на то, что вне его. – Но разве, заботясь о вас, он не смотрит на то, что вне его? И блюдет вас, как может он не замечать мира, в котором вы живете? Если он не надзирает за миром и вообще не обращает взор вовне, то он и вас не видит.

– Людям не нужно, чтобы он управлял миром. – Но миру-то нужно. Миру нужно знать свой порядок. И все, что есть в мире, должно знать, какое место оно занимает в нем, и какое – там, в мире умпостигаемом. Тогда те из людей, которые возлюблены богом, будут кротко переносить все, что случается с ними по необходимости, потому что таков ход вещей во вселенной. Ибо следует принимать близко к сердцу не только то, что касается каждого из нас в отдельности; надо принимать во внимание и вселенную в целом. Каждому надо воздавать по достоинству. Всегда стремясь к тому, к чему стремится все на свете в меру своей возможности, не надо думать, что только тебе одному дано достичь цели. Туда стремятся многие; блажен, кому удалось достчь цели; а

кто продвинулся, насколько смог, тот получает подобающую участь.

Люди часто объявляют, что обладают чем-то таким, чего у них на самом деле нет. Многие, даже зная, что у них этого нет, заявляют, что есть. Многие сами убеждены, что у них есть то, чего не самом деле у них нет. Наконец, многие уверены, что нечто есть только у них одних, в то время как в действительности это не так.

10. Можно подробно и беспристрастно разобрать и многие другие их учения или даже все – показывая, чего стоит каждое из утверждений в отдельности.

Мне, често говоря, стыдно бывает глядеть на некоторых моих друзей, которые приняли это учение до того, как присоединились к нам, и, уж не знаю как, остаются верными ему до сих пор. Хотя они без тени сомнения убеждены, что все так и есть, как они говорят, и полны рвения доказывать истинность своего учения самыми убедительными на первый взгляд аргументами. –

Я обращаюсь теперь не к ним – ибо чтобы их переубедить, нужно сказать гораздо больше – а к своим близким ученикам (единомышленникам). Я боюсь, как бы и их не сбили с толку – не доказательствами – ибо какие у тех доказательства? – но неслыханной дерзостью и самонадеянностью.

Я бы писал совсем иначе, если бы решил выступить против них, в защиту древних божественных мужей, высказавших столько прекрасного и истинного, на которых они нападают с наглостью невежд. Но такой подробный разбор приходится оставить до другого раза. Для тех, кто возьмется за это всерьез, послужит подспорьем и нынешнее мое сочинение и все, что написали на эту тему другие. Я же ограничусь тем, что скажу еще об одном пункте их учения, который превосходит все остальные своей нелепостью, если это можно считать нелепостью.

Они утверждают, что душа пала, и вместе с ней пала какая-то мудрость. Не знаю, кто был виновником падения: душа ли начала, или эта самая мудрость, или обе они, с их точки зрения, одно и то же. Все остальные души, которые составляют части этой мудрости, тоже, по их словам, пали вместе с ней и погрузились в тела, в том числе и человеческие. А та, из-за которой все они пали, сам не сошла вниз, т.е. не пала: она, по их словам освещает всю нижнюю тьму. От этого-то освещения в материи родился ложный образ (идол, подобие, отражение). Затем они придумывают еще один ложный образ, который отразила от первого ложного образа материя, или материальность, или как они там ее называют: дело в том, что они говорят то так, то иначе, используя множество разных имен, чтобы сделать свою речь потемнее. Затем они вводят существо, которое сами называют творцом – демиургом; он у них отступает от своей матери и создает мир, производя одно ложное отражение от другого и так до самой последней крайности тьмы и материи – это чтобы посильнее можно было ругать того, кто такое начертил.

11. – Во-первых, если София не спустилась вниз, а только осветила мрак, разве можно говорить о ее падении? Если нечто истекло из нее, например, свет, то нельзя еще говорить, что она пала. Пала – это если нечто находилось здесь внизу, а она пришла сюда – именно переместилась в это место – и оказавшись рядом, зажгла его светом.

– Но если она пребывает сама в себе, а низшие области она осветила, ничего для этого не предпринимая, то почему она одна осветила? То же самое делают и куда более могущественные сущие, чем она.

– Далее, если она смогла осветить мир только после того, как помыслила его, и благодаря этому размышлению, то почему она не сотворила мир одновременно с освещением его, а осталась дожидаться рождения отражений?

– Далее, они утверждают, что не только София размышляла о мире, но и более великие сущности. Их размышление они называют “чужестранной землей”. Почему же те великие не пали оттого, что создали размышление о мире, отчего пала София?

– Далее, почему материя, будучи освещена, производит отражения душевные, а не телесную природу? Отражение души не нуждается ни во мраке, ни в материи; родившись – если оно рождается – оно будет сопровождать своего создателя и останется привязано к нему.

– Далее: это отражение – сущность или, как они говорят, “помысел” (επινοημα)? Если сущность, то чем оно отличается от прообраза? Если же это другой вид души, то, раз прообраз – разумная душа, отражение будет душой растительной и рождающей. Но в таком случае, как же они говорят, что она сотворила мир, “желая почестей”, из хвастливого высокомерия и дерзости? Такие вещи предполагают воображение и даже способность разумно рассуждать.

Наконец, зачем было создателю мира создавать его из материи и отражения? Если же оно “помысел”, то надо, во-первых, объяснить, что значит это имя и откуда оно. Во-вторых, каким образом этот “помысел” существует, если они поручают ему создание вселенной. В самом деле, что может создать выдумка? Сказать, что вот это, мол, первое, а это – после него, – разговор чисто

12. – Как мог этот только что родившийся демиург взяться за творение мира, руководствуясь памятью о том, что знал? Он вообще там не был, так что знать ничего не мог; ни он, ни его мать, которую они ему приписывают.

– И вот что еще удивительно: сами они считают себя не отражениями души, ниспавшими в этот мир, а истинными душами. Из этих душ едва двум или трем, кому повезет, удастся с невероятным трудом вырваться из этого мира и достичь припоминания (анамнезы); с трудом они вспоминают кое-что из того, что когда-то знали. Как же это отражение, только что родившись, умудряется припомнить тамошнее, даже и неразборчиво, как они сами говорят? Да и мать его, материальное отражение, как может быть на это способна? И внедь не просто припомнить: демиург умудрился позаимствовать у того умопостигаемого мира понятия (*ενοιαίαν*) этого мира чувственного и выяснить, как и из чего он должен быть создан. Почему он был уверен, что первым надо создать огонь? Почему не что-то другое? И если он мог создать огонь, лишь представив его, почему, представив мир – ведь прежде всего он должен был представить себе целое – он не создал мир сразу? Ведь представление о мире в целом должно было содержать и все его части. И вообще, создатель мира творил по природе, а не так, как ремесленники (естественно, а не технически, не искусственно). Ибо искусства вторичны по отношению к природе и к миру. Посмотрите, как даже сейчас зарождаются отдельные природные существа: не так, что сначала огонь, потом следующий элемент, потом – смешение элементов; нет, в утробе матери запечатлевается набросок или очерк сразу всего живого существа. Почему же тогда, при творении, демиург не отпечатал в материи набросок сразу всего мира, так чтобы в наброске уже было все: и земля, и огонь, и прочие элементы? Впрочем, может быть так поступили бы они сами, доведись им творить мир – ведь у них-то души более истинные, а демиург просто не догадался сделать правильно?

Нет, предусмотреть размеры неба, и точно вычислить все расстояния, и дать нужный наклон зодиаку; рассчитать орбиты светил и планет, уравновесить землю – и все это так, чтобы можно было указать причины, почему это именно так, а не иначе, – это дело не какого-то отражения, а силы, идущей от самих величайших т.е. умопостигаемых сущностей. Впрочем, и они сами, хоть и неохотно, принуждены с этим согласиться.

В самом деле, когда они говорят о свете, который осветил тьму и пронизал ее, они поневоле признают истинные причины рождения мира. Ибо свет освещает не потому, что ему это для чего-то понадобилось, а потому, что не может не освещать. Это происходит либо согласно природе, либо вопреки природе, третьего не дано. Но если согласно природе, то это происходит всегда. Если же вопреки природе, то и в тамошних т.е. в духовном мире будет нечто противоестественное. и зло будет существовать до возникновения этого мира. Но тогда не мир будет причиной и виновником зол; зло будет приходить в наш мир оттуда т.е. от бога. Не душа будет портиться от соприкосновения с материальным миром, а мир – от соприкосновения с душой (не наш мир испортит душу, а душа – наш мир). Такое рассуждение заставит вознести чувственный мир до самого Первого.

– По их словам, причина зла – материя. – Но откуда она взялась? Они говорят, что душа, пав, увидела уже существующую тьму и осветила ее. Но откуда взялась эта тьма? Они могут сказать, что душа сотворила эту тьму своим падением. Но тогда ей просто некуда было падать. Кроме того, в этом случае не тьма будет виной падения, а сама природа души. Но это значит, что падение было необходимо; так что причину его они переносят в самые первые сущности.

13. Порицающий природу мира не ведает, что творит и куда может завести его подобная безумная дерзость. Они не знают порядка и чина, где за первым следует второе, за вторым третье, и так вплоть до самых последних ступеней.

Они не понимают, что не годится ругать низшее за то, что оно хуже высшего, что нужно кротко и благожелательно принимать природу всякого существа такой, какова она есть. Пусть они устремляют свой взор к первым сущностям и созерцают их, но пусть прекратят трагические вопли, пусть не пугают нас ужасами, которые – как они думают – подстерегают стремящуюся ввысь душу в мировых сферах: все сферы окажут им самый ласковый прием.

В самом деле, что в них страшного? Они могут напугать только тех, кто за недостатком образования и систематически преподанного знания неспособен внимать доводам разума. Разве стоит бояться их только оттого, что тела у них огненные? Их огонь соразмерен со всей вселенной и с землей. И вообще, нужно смотреть не на тела, а на души: ведь сами себя они гностики ценят так высоко именно за свои души. Однако у небесных сфер и тела отличаются величиной и красотой. Они сотрудничают со всей вселенной и помогают происходить природным процессам, которые не могли бы возникнуть без

первопричин. Без них вселенная была бы неполна и несовершенна. Да они и сами составляют немалую часть этой вселенной. Если человек отличается достоинством по сравнению с животными, то их небесных сфер достоинство намного выше, ибо они во вселенной не тираны, они обеспечивают в ней порядок и красоту.

Говорят, что они – виновники происходящих событий. Это не так: они лишь знамения того, чему предстоит произойти. Причина того, что с разными людьми происходят разные события – и случай (ибо не может со всеми единичными существами происходить одно и то же), и различие времени и места происшествий, и разные расположения душ.

И еще раз повторю: не надо требовать, чтобы все люди были одинаково хорошими, и поносить все мироздание за то, что это требование невыполнимо. В этом опять-таки сказывается их убеждение, что здешнее ничем не должно отличаться от тамошнего. Зло – это не что иное, как недостаток разума и меньшая степень блага; здесь все всегда тяготеет к уменьшению по сравнению с прообразом. В противном случае придется признать, что природа есть зло, потому что она не душа и лишена способности ощущения; а душа – зло, потому что она не разум. Если зло состоит в том, что низшая ступень бытия – не высшая, то им в конце концов придется признать, что зло есть и там т.е. в духовном мире: ибо и там душа хуже ума, а ум – меньше другого т.е. Единого. 14. Впрочем, они и без того оскверняют чистоту тамошних духовных существ. Они записывают заклинания и молитвы, с которыми якобы надлежит обращаться к высшим началам – не только к душе мира, но и к тем, кто выше нее. Зачем? – Затем, что верят, будто с помощью заклинаний, заговоров и особых напевов смогут заставить их внимать себе и исполнить просимое. То есть если кто из нас достаточно поднатерел в магическом искусстве и может произнести написанное правильно, на все лады изменяя голос, выводя нужные мелодии и припевы, производя в нужных местах положенные придыхания, присвисты и прочие штуки, – то может командовать богами. Даже если они и не хотят сказать это впрямую, зачем они пытаются воздействовать голосом на бестелесных? Понятно, что с помощью всех этих ухищрений они хотят придать больше веса своим учениям; но, сами того не ведая, они тем самым лишают свои слова всякой убедительности.

Еще они уверяют, что могут исцелять от болезней. Если бы они сказали, что лечат, руководствуясь благоразумием и назначая подходящую диету, они говорили бы как философы и были бы совершенно правы. Но они заявляют, что болезни – это демоны и что они могут изгонять их словом. Конечно, такие заявления поднимают их в глазах большинства, которое приводит в восторг всякая магия и волшебство. Но людей здравомыслящих они не убедят в том, что у болезней нет естественных причин: это может быть переутомление, избыток или недостаток чего-либо в организме, воспаление, гниение, – словом, всякое изменение в организме, берущее начало внутри него или снаружи. Об этом свидетельствуют и способы лечения болезней: больному очищают желудок, или дают лекарство, или пускают кровь, выводя болезнь наружу; иногда больного исцеляет голодание. Что же, нам думать, что демон убежал из него, потому что проголодался? Или выпитое лекарство заставило демона растаять?

Некоторые из них говорят, что когда человек выздоровел, это значит, демон из него вышел; другие говорят, что демон остался, но больше его не мучает. – Если демон остался внутри, почему человек больше не болеет? Если демон вышел, то почему? Что на него подействовало? – На это они говорят, что демон питался человеческой болезнью, и ушел, когда человек выздоровел и еды не стало. – Значит, болезнь – это не демон? Далее, если демон входит в человека безо всякой причины, то почему мы все время не бодем? Если же есть какая-то причина, то зачем объяснять болезнь демоном, а не связать ее с причиной? Допустим, есть причина, достаточная, чтобы вызвать лихорадку. Смешно же думать, будто тотчас одновременно с этой причиной появляется и демон, готовый помочь ей возбудить лихорадку.

Впрочем, довольно. И так понятно, что представляет собой их учение и какие цели оно преследует. Собственно, я упомянул здесь о демонах, чтобы яснее показать их образ мысли. Все остальное предоставляю вам прочитать самим в их книгах. Но что бы вы ни читали и не делали, не забывайте одного: тот образ философии, которого стремимся достичь мы, являет нам, помимо всех прочих благ, простоту нрава, чистоту помыслов и здравый смысл. Нашу философию отличает серьезное достоинство, а не безрассудная наглость. В ней – спокойная уверенность и величайшее мужество соединяются с рассуждением, осторожностью и величайшей осмотрительностью. То, что преподносят как философию гностики, противоположно нашей во всех отношениях. И довольно: не подобает мне говорить о них больше.

15. Теперь главная моя задача – показать вам, какое действие оказывают их речи на души слушателей, убеждая их презирать наш мир и все, что в нем.

Есть два учения о том, какой цели следует достичь человеку. Одно полагает целью телесное удовольствие, другое избирает добродетель и прекрасное, поскольку стремление к ним – от бога и нам позволяет присоединиться к богу (каким образом – это мы рассмотрим в другом месте). Так вот, Эпикур, отрицая провидение, советует нам искать удовольствия и наслаждаться им, поскольку ничего другого не остается. Но это гностическое учение еще неразумнее (букв. “еще более подростковое”). Оно поносит господина провидения и само провидение; бесчестит все законы здешнего мира; оно поднимает на смех благоразумие и добродетель, которая проявлялась на земле во все времена. Чтобы показать, что здесь нет ничего прекрасного, они уничтожают благоразумие, справедливость, от природы присущую человеческим нравам и достигающую совершенства с помощью разума и аскезы (упражнения), и вообще все, к чему может стремиться достойный человек (ревнитель). Что же им гностикам остается? Только искать удовольствия, заниматься лишь собственными делами и преследовать собственную выгоду, пренебрегая общественным, всем, что объединяет их с остальными людьми; разве что у кого-то из них природа окажется лучше, чем это их учение. Ибо согласно учению, здесь для них нет ничего прекрасного (т.е. добродетели, чести, справедливости); они, дескать, намерены преследовать совсем другую цель. Впрочем, для “уже познавших”, как они себя величают, нетрудно выйти за пределы этого мира и устремиться напрямик к намеченной цели; а устремившись, сразу достичь ее: ведь они, по их словам, “пришельцы из божественной природы”. Эта божественная природа презирает телесное удовольствие и воспринимает все прекрасное как родственное себе. Но кто не причастен хоть сколько-нибудь добродетели, те не могут сделать даже первый шаг в направлении того мира, т.е. вверх. Именно так обстоит дело с ними. Свидетельство тому то, что у них ни слова не сказано о добродетели. Учение о ней не интересует их совершенно: ни что она такое, ни сколько бывает добродетелей. Никто из них ни разу не поинтересовался, что и как сказано об этом у древних – о они оставили нам много прекрасных учений о добродетели. Они не говорят о том, как и с помощью каких упражнений стяжать ее, как культивировать (qegareuein) душу и как ее очищать. Говорить человеку: “взирай на бога”, – пустое дело, если вы не научите его, как именно он должен “взирать”. Любой может сказать вам, что ничто не мешает ему созерцать бога, не воздерживаясь ни от одного наслаждения, не обуздывая ни гнев, ни раздражение? Что мешает мне поминутно поминать имя божье, когда я охвачен всеми страстями и даже не пытаюсь освободиться от их власти?

Добродетель, родившаяся в душе и неуклонно идущая к цели, и разумение показывают (являют) нам бога. Без истинной добродетели слово “бог” – пустой звук.

16. Повторю еще раз: нельзя сделаться хорошим через презрение к миру, к его богам и прочему прекрасному, что есть в нем. Чтобы усвоить презрение к богам, надо уже быть дурным человеком, до того, как вас научили презрению. Но даже если до того вы были злы не во всех отношениях, презрение к миру сделает вас злым совершенно.

Они заявляют, что чтут богов умопостигаемых. Но это противоречит их презрению к миру: любя кого-то, мы любим все, ему родственное; любя отца, мы расположены и к его детям. А всякая душа – дитя того Отца. Более того, их т.е. внутрикосмических богов, небесных светил души умны, добры и близки тамошним богам в куда большей степени, чем наши. Да разве мог бы существовать этот мир, если бы был отрезан от того? Разве были бы в нем боги? Впрочем, об этом мы говорили прежде. Теперь же отметим вот что: они презирают родственное тамошним богам, потому что не знают их, а лишь на словах похваляются знанием.

Разве благочестиво утверждать, что Промысл не проникает в здешний мир, и вообще повсюду? Разве в этом они не противоречат сами себе? Ведь они говорят, что Промысл печется о них – только о них. Печется где? Когда они уже окажутся там, или пока они еще здесь? Если там, то как случилось, что они оттуда пали? Если здесь, то почему они до сих пор здесь? Почему сам Бог не спустится сюда? – Ведь иначе откуда ему знать, что они здесь, раз его Промысл в материальный мир не проникает? И откуда ему знать, что находясь здесь, они не забыли его и не сделались злыми? А если он знает тех, кто не сделался злым, то должен знать и тех, кто испортился, в противном случае как бы он их различал? Следовательно, он каким-то образом присутствует во всех сущих, и в этом мире тоже: так что этот мир ему причастен. Если же он отсутствует в мире, то отсутствует и в вас, и вы ничего не можете сказать ни о нем, ни о тех, что после него т.е. об умопостигаемых, об уме. Как бы то ни было, доходит ли до вас Промысл Божий оттуда, или не доходит, или как вам еще угодно думать на этот счет, – но мир этот содержится Промыслом оттуда; он не оставлен Богом и никогда не будет оставлен.

Дело Промысла – в первую очередь целые, а не части. Та душа т.е. мировая куда больше причастна тому Единому, чем все прочие души. Свидетельством тому – ее бытие, и разумное бытие. Кто из вас, высокомерных дураков, может похвастаться таким разумным и прекрасным устройством, как эта вселенная? Да даже сравнивать себя с ней смешно и нелепо и, если бы не приходилось это делать ради доказательства, просто кощунственно. Даже ставить так вопрос может только глупец, слепой, напрочь лишенный всех органов чувств, не говоря уже об уме. И он-то претендует на знание умопостигаемого мира, когда не видит даже мира этого!

Какой музыкант, знаток умопостигаемой гармонии, не будет тронут, расслышав ее в чувственных звуках? Какой знаток геометрии и чисел не возрадуется, увидев симметрию, пропорцию и порядок собственными глазами? Даже разглядывая картину, созданную искусством, зрители видят не столько ее, сколько распознают в чувственном подражании то, что лежит в мысли, и волнует их именно припоминание истинного. Именно из такого переживания происходит (возбуждается) всякая любовь. Но люди бывают разные: один, увидав в чьем-то лице подобие красоты, возносится туда, к божественному; другой настолько ленив мыслью, что ничто на свете не в силах возбудить его. Глядя на все красоты чувственного мира, на всю его соразмерность и великую благоупорядоченность, на дивное зрелище звездного неба, видимого глазу, несмотря на всю его удаленность, он и этим не вдохновится и не воскликнет, охваченный благоговением: “Каковы же те, которых все это – лишь отражение?” Такой человек ни этого мира не разглядел, ни того не видал.

17. Но, может быть, они обязаны своей ненавистью к телесной природе чтению Платона? Он ведь ругает тело за то, что оно мешает душе; он называет тело худшей природой. Им надо было бы мысленно совлечь ее т.е. телесную природу, с мира, и увидеть то, что останется: умопостигаемую сферу, содержащую внутри себя вид (форму, идею) нашего мира; души без тел, в строгом порядке дающие будущим телам величину и отмеряющие будущие расстояния, так чтобы величина всякого тела, которому предстоит родиться, была в точности равна силе его умопостигаемого прообраза. Ибо великое там велико силой, а здесь – объемом (размером).

Пусть они представят себе мысленно эту сферу т.е. наш мир в движении; ее вращает сила Бога, которая (-ый?) держит начало, середину и конец вселенной. Потом пусть представят ее неподвижной, словно сила божья – душа, занятая чем-то другим, еще не привела ее в движение. Тогда они прекрасно поймут, чем занимается мировая душа, управляющая этой вселенной. Пусть затем приложат к ней тело: она ничего от него не испытывает (не получает), сама же дает ему обладать всем, чем обладает сама, насколько каждое тело в состоянии принять – ибо кощунственно думать, будто боги завистливы. Именно так бы надо им размышлять о мире и его душе. Душа мира настолько могущественна, что может сделать прекрасной телесную природу, чуждую красоте, насколько эта природа в каждой ее части способна красоте причаститься. И эта же красота возбуждает и приводит в движение души, от природы божественные.

Если же они скажут нам, что их души такая красота не возбуждает, что им все равно, на какие тела смотреть – прекрасные или безобразные, – значит, им безразлично, прекрасны или безобразны дела, которыми они занимаются, прекрасны ли знания которым они учат, наконец, умственные созерцания которых стремятся достичь; в конечном счете, им все равно, благ или зол сам Бог. Ибо все, что хорошо и прекрасно здесь, является таковым благодаря первым т.е. божественным прообразам. Если здешние не хороши, то не хороши и те: ведь все здешнее прекрасное прекрасно по сходству с тамошним. Они говорят, что презирают здешнюю красоту. И это было бы совершенно правильно, если бы они имели в виду, что презирают женщин и мальчиков, чтобы не впасть в невоздержность. Но они произносят такие речи ради превозношения: ведь они презирают не безобразное и постыдное, а то, что другие люди считают и они сами раньше считали прекрасным. Отчего же они переменяли мнение?

Далее, красота бывает, конечно, разная: целое прекраснее части, и вселенная прекраснее единичного существа. Но ведь есть красота и в чувственных вещах, и в частных: например, как прекрасны демоны. При виде их восхищаешься их создателем и веришь, что они оттуда, хотя здешним языком не выразить тамошнюю красоту. Глядя на прекрасные существа и вещи здесь, мы не сосредоточиваемся на них, а переходим от них к их умопостигаемым прообразам; но и их самих мы не станем хулить. Если красавец прекрасен и внутри, мы говорим, что он гармоничен; если же внутренность у него скверная, – что он сам себя недостойн. Впрочем, никогда не может быть подлинно прекрасная внешность там, где внутренность безобразна. Такая внешность никогда не будет прекрасна во всех отношениях, ибо внешнее

подчинено внутреннему. Если кого-то зовут красавцем, а внутри он подл, то красота его – обман и маска. Многие рассказывают, будто видали писанных красавцев лицом, но мерзавцев внутри. Я думаю, что, во-первых, рассказчики никогда не видали подлинно прекрасных людей, и потому не знают, что это такое; а во-вторых, что пороки у тех красавцев были приобретенными, природа же их была прекрасна. Ведь здесь на земле так много препятствий на пути к совершенству.

Но всей вселенной, которая так прекрасна на вид, что могло помешать быть прекрасной и внутри? Существа, которых природа не создала с самого начала совершенными, вполне могут не развиться до конца, а могут и испортиться. Но вселенная никогда не была несовершенным ребенком, которому еще предстоит расти и развиваться. К ее телу не присоединялась частица за частицей. Ибо откуда им было бы взяться? Все, что есть, содержится во вселенной. А чтобы что-то присоединялось к мировой душе, этого и вообразить невозможно. Впрочем, если угодно, уступим им в этом: пусть к мировой душе что-то прибавилось; оно, во всяком случае, не было чем-то дурным.

18. Они, пожалуй, станут утверждать, что учат бежать от тела и ненавидеть его, а наше учение привязывает душу к телу. Разницу между их учением и нашим можно пояснить на примере. Представьте себе двух людей, живущих в одном прекрасном доме. Один ругает и убранство, и строителя, и дом, но тем не менее остается в нем жить. Другой не ругает; он хвалит строителя, говоря, что дом построен замечательно, по всем правилам искусства. Тем не менее, он ждет, когда придет ему время уезжать, когда он перестанет нуждаться в жилище. Первый думает, что он умнее; что он лучше подготовился к отъезду: ведь он научился говорить о том, что этот дом из бездушных камней и бревен никуда не годится, не таким должно быть истинное жилище. Ему невдомек, что он не научился переносить необходимые лишения. Второго же они не раздражают; он не выходит из себя, он любит красоту камней и обретает покой, а значит, поистине готов к отъезду. Пока у нас есть тела, нам приходится жить в домах, которые приготовила и убрала для нас добрая сестра – Душа; хорошо, что она так сильна, что может строить и творить без усилий.

Они готовы звать братом самого ничтожного из людей; но солнце, звезды и саму душу мира они не удостоивают назвать братьями, словно уста их поражены безумием. Впрочем, это, пожалуй, и правильно: дурные люди не вправе претендовать на такое родство. Для этого нужно стать добрым человеком и быть не телом, а душой в теле. А жить в теле нужно научиться так, как живет во вселенском теле мировая душа, насколько возможно. Это значит, никому не вредить, ничего не разрушать, не становиться рабом внешних впечатлений и удовольствий, не приходиться в смятение, столкнувшись с трудностями. Ту душу ничто не задевает; там, впрочем, и нечему т.к. вне ее ничего нет. Здесь, на земле, на нас сыплются удары. Отразим их нашей добродетелью. Пусть величие нашей мысли ослабит их силу. Пусть мы сделаемся так сильны, что иных ударов и вовсе не почувствуем.

Таким образом мы станем ближе к неуязвимым, уподобляясь душе мира и светил. Но мы можем стать к ним еще ближе: нужно устремиться к той же цели, что и они; созерцать то же самое, что видят они. Наша природа позволяет это, хотя нам и пришлось готовиться, прилагая труды и старание; а те небесные души готовы изначально.

Они гностики утверждают, что лишь они одни способны созерцать. Такая гордыня отнюдь не поможет им в созерцании. Они видят свое преимущество в том, что умерев, смогут выйти из тела, а те светила нет, ибо им надлежит вечно украшать небо (или: управлять миром). Тот, кто может сказать такое, понятия не имеет о том, что значит быть вне тела и каким образом мировая душа управляет неодушевленной вселенной.

Можно не привязываться к телу, стать чистыми, презирать смерть, знать лучшее и стремиться к нему, не завидуя другим, кто тоже способен на такое стремление и это всегда устремлен туда же. Не обязательно твердить, что все остальное к этому неспособны. Иначе мы уподобимся людям, отказывающимся допустить, что звезды движутся, потому что их чувства говорят им, что звезды неподвижны. Они гностики не верят, что можно судить о природе светил по их внешности. Видно, они не могут судить и друг о друге, хотя душа человека всегда проявляется вовне.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

Плотин Против гностиков filosoff.org
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!